

Масаев М.В.

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА (на примере романа Вальтера Скотта «Айвенго»)

Актуальность исследования. Выбор темы не случаен. Для историка в литературе самый интересный жанр – это жанр исторического романа, а среди писателей этого жанра одним из самых интересных был, есть и будет английский поэт и писатель Вальтер Скотт. Поставив целью своей жизни научить англичан и шотландцев жить в одном государстве, уважая друг друга, талантливый поэт нашел форму выражения своих идей в новом литературном жанре – в историческом романе, создав, по сути, этот жанр, как в английской, так и во всемирной литературе.

Целью исследования является выявление жанрово-стилистических особенностей исторического романа на примере всемирно известного романа «Айвенго».

Для её достижения решаются следующие задачи:

- даётся краткая характеристика самого жанра;
- анализируются жанрово-стилистические черты исторического романа;
- осмысливаются факторы, лежащие в основе исторического романа;
- анализируется и осмысливается соотношение правды и вымысла в историческом романе;
- анализируются события, лежащие в основе исторического романа;
- осмысливаются моменты понимания истории автором исторического романа;
- анализируются непосредственно жанрово-стилистические особенности романа «Айвенго»;
- подвергается анализу местный колорит и персонажи исследуемого произведения.

Материал исследования настоящей работы – это романы самого Вальтера Скотта, и, прежде всего роман «Айвенго», но осмысление творчества создателя исторического романа идёт уже более полутора веков, и литературу о творчестве Вальтера Скотта просто нельзя оставить без внимания.

Особенно интересны такие сопровождающие различные издания романов В. Скотта статьи как «Мудрость вымысла» Н. Н. Тихонова [1], Правда истории и правда художественного вымысла» А. Ингера [9], «Несколько слов от историка» Кирилла Андерсона [10], «Вальтер Скотт и его роман «Айвенго» Р. Самарины [15], статья в новом российском издании «Энциклопедия для детей» Александра Зверева под названием «Вальтер Скотт» [5], главы, посвященные Вальтеру Скотту в учебниках: вышедшем в Москве под названием «Основные произведения иностранной художественной литературы» [11] и в Киеве под названием «Зарубіжна література для 7-8 класів: читачка-підручник» [12]. Методические статьи по изучению романа «Айвенго» в школе Н. И. Белей [8], Л. О. Фурсовой [13] и Л. В. Мацевко [14], а также подборка материалов о Вальтере Скотте [4]. О писателе и его творчестве в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга Х. Пирсона «Вальтер Скотт» [16] и в издательстве «Художественная литература» книга Б. Г. Реизова «Творчество Вальтера Скотта» [17]. Из доступных на территории стран СНГ английских изданий следует отметить книги Т. Кроуфорда [18], Э. Джонсона [19] и Ю. Поуп-Хеннесси [20]. Из изданий использованных произведений В. Скотта на русском языке следует отметить [21, 22, 23, 24, 25, 26] и на английском языке [27, 28].

Работа состоит из двух частей: первая – «О жанре исторического романа», вторая – «Жанрово-стилистические особенности романа Вальтера Скотта «Айвенго». В первой части выясняются особенности такого сложного явления как жанр исторического романа, во второй – мы переходим к конкретным особенностям романа «Айвенго».

1. О жанре исторического романа

Исторический роман представляет собой, без всякого преувеличения, один из наиболее ярких литературных жанров, поскольку ретроспектива прошлого в воображении писателя восполняет отсутствие воображения и фантазии профессионального историка. Если профессиональный историк даёт документальное описание, подчас весьма скучное широкому кругу читателей, то писатель своими усилиями, воображением, обращаясь к документальным историческим сюжетам, помогает, может быть, даже лучше, глубже проникнуть в сокровенные тайны документального бытия, даже насытив его своей фантазией, зачастую часто расходящейся с реальной историей.

Н. Н. Тихонов в работе «Мудрость вымысла» рассуждает о понятиях прошлого, памяти, истории, исторического романа, задаваясь вопросами о том, что общего между этими понятиями, что их связывает и связаны ли они вообще. Ответ исследователь даёт следующий: «Что такое прошлое, понятно всем; история – тоже: это систематизация и осмысление деятельности человека во времени. Память ...В нравственно-этическом плане – это то, что даёт человеку право называться человеком, это основа нравственности, культуры, основа прогресса. Память – это основа человечности. Ну, а исторический роман? Только ли это оживление прошлого, точнее, какого-нибудь его эпизода, подсказанного памятью, облеченного в литературную форму и служащего для удовлетворения праздного любопытства читателя? Может быть, это «костюмная» история (как сейчас называют некоторые кинофильмы) или описание жизни людей, движимых теми чувствами, которые мы утратили, а возможно, просто стыдимся их, считая безнадежно устаревшими, но в глубине души жалея об утрате и удовлетворяем свою ностальгию чтением?» [1, с. 724].

Таким образом, можно предварительно вычленил следующие черты исторического романа:

- 1) «оживление» какого-нибудь яркого эпизода прошлого;
- 2) «оживление» это подсказывается памятью, облеченной в литературную форму;
- 3) «оживление» служит для удовлетворения праздного любопытства читателя;
- 4) «костюмная» история или описание жизни людей, движимых теми чувствами, которые мы утратили, но, жалея в глубине души об утрате, удовлетворяем ностальгию чтением.

Достаточно показательно в данном контексте замечание одного французского историка о том, что в детстве мы читаем исторические романы и получаем удовольствие от вымысла; став взрослыми, мы обращаемся к истории и получаем удовольствие от подлинности [1, с. 724].

Действительно, можно поставить вопрос о правоте этого высказывания. Известно, что и наука, и искусство отражают жизнь: первая – в научной, вторая – в художественной форме. Поэтому, как полагает Н. Н.

Тихонов, говорить о приоритете одной формы перед другой вряд ли оправданно [1, с. 724-725]. В продолжение темы можно привести слова А. Дюма касательно оценки личности в истории: «Историки, судите гения по его деяниям! Народ, суди о его сердце! Кто судил о Карле Великом? Историки. Кто судил о Генрихе IV? Народ. Как вы полагаете, который из двух монархов получил более справедливую оценку?» [2, с. 298].

То, что выдающийся французский писатель называл оценкой народа, отражено в народных балладах, преданиях и анекдотах, передававшихся из поколения в поколение и слившихся в образ героя и времени, творцом которого является народ. Без сомнения, здесь присутствие вымысла очевидно. Но этот вымысел, «подсказанный логикой развития характера, основанной на строжайшем чувстве меры того многоликого автора, который является одновременно и творцом, и судьей» [1, с. 725].

Чтобы ещё лучше понять соотношение подлинности и вымысла, целесообразно поставить вопросы о подлинности исторического труда. Можно ли, например, охарактеризовать её как подлинность «хронологии, последовательности событий, неизбежности установленных причинно-следственных связей и оценок исторических личностей или даже целых эпох?» [1, с. 725]. Н. Н. Тихонов даёт отрицательный ответ, приводя следующие аргументы:

- 1) история постоянно развивается;
- 2) как следствие этого изменения, меняются оценки, причинно-следственные связи событий пересматриваются;
- 3) иногда сама хронология благодаря обнаружению новых документов подвергается корректировке;
- 4) происходит устаревание исторических трудов (за редким исключением);
- 5) для новых поколений читателей исторические труды становятся лишь источником исторических фактов;
- 6) к историческим трудам, не полагаясь на их суждения, обращаются зачастую из интереса к развитию исторической мысли или же ради эстетического наслаждения от формы, в которой они написаны [1, с. 725].

И в этой ситуации, говоря о форме, действительно трудно удержаться и не сказать «художественная форма». А это уже литература. Но, как замечает Н. Н. Тихонов, «всё же говорить о литературе пока рано, ибо здесь ещё нет того, что упомянутый выше историк называет «вымыслом». Но это и не история, так как ей уже недостаёт подлинности» [1, с. 725].

И здесь уже необходимо обратиться к диалогу между историком и читателем, когда со временем между ними в диалоге происходит «перестановка сил», и чем большее временное расстояние разделяет их, тем это становится заметнее. Из своеобразного наставника историк трансформируется в собеседника, на равных говорящего со своим читателем. В конце концов, он рискует наскутить ему устаревшими суждениями и старомодным языком. Впрочем, даже если этого и не случается, то интерес читателя всё-таки смещается таким образом, что его привлекают уже не мысли и чувства, которыми «живёт» собеседник, а форма, в которую они облечены [1, с. 725-726].

Начало июня 1814 года ознаменовалось весьма важным событием: на прилавках книжных магазинов Лондона появился роман «Уэверли, или шестьдесят лет назад». Надо отметить, что на титульном листе отсутствовало имя автора, и лишь немногие читатели догадывались, что этим автором был знаменитый английский поэт Вальтер Скотт. Таким образом, 1814 год стал годом рождения не только В. Скотта-романиста, но и нового литературного жанра – исторического романа [1, с. 726].

Удачно соединив две стихии, историческую и эстетическую, Вальтер Скотт и создал новый литературный жанр, оразивший веление времени и его запросы.

Вальтеру Скотту удалось то, чего не удалось ни Виктору Гюго в его «Соборе Парижской Богоматери», «Человеке, который смеётся» и в таком, на первый взгляд вполне историческом романе, как «93-й год», ни Стендалю в его «Красном и Чёрном» и «Пармской обители». Некоторые исторические зарисовки Стендалю удалось, например описание сражения под Ватерлоо в «Пармской обители», но не более того. Это понимал и сам Стендаль, который, завидуя В. Скотту, писал о том, что, каким огромным бы ни было количество людей, заинтересованных провозгласить Вальтера Скотта великим человеком, он «не оденет маски лицемерства», высказывая убеждение в том, что десяти лет будет достаточно, чтобы слава шотландского романиста уменьшилась наполовину [4, с. 16]. Стендаль оказался не прав. И не случайно уже А. С. Пушкин ценил Вальтера Скотта как романиста выше В. Гюго, считая творчество английского автора «правдивым», потому что находил в нём «зримый образ эпохи», а не одни лишь «удивительные вымыслы», как у Виктора Гюго [5, с. 59].

Любое ли произведение, действие которого происходит в прошлом, можно отнести к жанру исторического романа? Разумеется, нет, что доказывает творчество таких великих мастеров как В. Гюго и Стендаль. Не случайно последний так завидовал В. Скотту. Их романы, несмотря на то, что они гениально описывают события исторического прошлого нельзя назвать в полной мере историческими. Иное дело у Вальтера Скотта.

Определяя своё понимание жанра исторического романа, В. Скотт писал в статье «Рассказы трактирщика»: «Упрёки, которые так часто высказывались по адресу так называемых исторических романов, следует объяснять, на наш взгляд, скорее бездарностью всех существовавших до сих пор произведений этого литературного жанра, чем каким-то присущим ему недостатком. Если нравы различных эпох беспорядочно перемешаны, если стриженные не пудренные волосы и стройные воздушные фигуры выступают в одном хороводе с огромными париками и кринолинами, если при изображении реальных личностей искажена историческая истина, то взоры читателей отворачиваются от картины, которая во всяком здравомыслящем человеке рождает возмущение и недоверие. Но если автору удастся избежать этих непростительных погрешностей против хорошего вкуса и воссоздать минувшие времена правдиво и ярко, то [...] автор, отмежевываясь от своих пустых и легковесных собратьев, к которым, возможно, причислит его поверхностный наблюдатель, займёт место в ряду историков своего времени и своей страны [6, с. 574-575]. Таким автором и

стал Вальтер Скотт. Не случайно Д. Берг относит В. Скотта к ста лучшим литераторам и, прежде всего за его новаторство, которое закрепляет за В. Скоттом славу творца нового жанра – исторического романа. «В любой оценке литературных достижений Скотта, кроме привлекательности его лучших книг, которые сохранились, необходимо принимать во внимание, прежде всего его новаторство, которое потрясло литературные основы, и его влияние на других романистов. После Скотта роман стал намного более весомым средством доказательства истины, нежели до него» [7, с. 322]. Конечно, романтизм В. Скотта не мог нравиться всем. Он не нравился даже романтику Стендалю (может просто из зависти). Не нравился он «реалисту» У. Теккерею, который дерзнул даже пародировать роман «Айвенго» [5, с. 60]. Но романтик Дж. Байрон был от романов В. Скотта в восторге. «Не знаю чтения более захватывающего, чем произведения Вальтера Скотта. Я все романы его читал не менее 50 раз», - писал он [8, с. 57].

Как совершенно справедливо считал Вальтер Скотт, автор исторического романа должен одинаково свободно разбираться как в великих исторических событиях, так и в незначительных происшествиях, понимая, чем нравы той эпохи, которую он прославляет, отличаются от нравов, господствующих в наши дни, автор является как бы современником живых и мертвых, разум поможет ему отделить индивидуальные черты от родовых, а воображение, столь могущественное и разборчивое, создаёт перед читателем картину нравов тех времен и близко знакомит его с персонажами драмы, с их мыслями и поступками» [6, с. 575].

По выражению В. Г. Белинского, Вальтер Скотт «создал, изобрел, открыл или лучше сказать, угадал эпопею нашего времени – исторический роман» [9, с. 376].

«Редко кому из авторов приключенческих романов выпадает хотя бы десятая доля тех подвигов и невероятных приключений, которыми он одаривает своих персонажей...», - пишет историк Кирилл Андерсон [10, с. 5].

За восемнадцать лет, которые прошли с 1814 г. (выход романа «Уэверли») до 1832 г. (последний роман «Граф Роберт Парижский» вышел в свет как раз в этот год, ставший годом смерти писателя) было написано около 30 романов. Разумеется, его творчество шотландца до мозга костей, фамилия которого Скотт в переводе на русский язык означает ничто иное, как шотландец, его творчество не ограничено только «шотландской» тематикой. Его романы переносят читателя в Англию времен Ричарда Львиное Сердце («Айвенго») и королевы Елизаветы I Тюдор («Кенильворт»), рассказывают о людях и событиях Английской буржуазной революции XVII века и периода, ей предшествовавшего («Приключения Найджела», «Вудсток», «Пуритане») и т. д. Без этого трудно было бы выполнить поставленную Вальтером Скоттом задачу интеграции его малой родины Шотландии в новое Соединенное королевство. Затрагивает творчество В. Скотта и другие страны. Обращаясь к различным странам и эпохам, В. Скотт расширяет пространственные границы человеческой общности и углубляет временную преемственность поколений, восходящих к общим истокам. Отсюда довольно-таки широкие хронологические рамки исторических романов Вальтера Скотта, которые вмещают в себя почти тысячелетнюю историю Европы: конец XI века («Граф Роберт Парижский»), последний роман В. Скотта) – середина XVIII века («Уэверли, первый роман В. Скотта).

Конечно, многотомная «Жизнь Наполеона» ещё ближе к современной В. Скотту жизни, но это скорее уже труд просто историка, а не исторический роман писателя. Примечательно, что уже первый же роман английского писателя непосредственно подчёркивает его связь с настоящим («шестьдесят лет назад»). А далее Вальтер Скотт даёт в ретроспективе всю историю Европы последнего тысячелетия.

Не случайно историческая ретроспектива Вальтера Скотта восходит к крестовым походам. Именно в них гениальный автор смог увидеть и показать другим взаимосвязь личного и общественного в историческом процессе. Действия романов «Граф Роберт Парижский» и «Талисман» происходит, соответственно, во время Первого (1095-1099) и Третьего (1189-1192) крестовых походов. В этих произведениях выведено много реальных исторических лиц: византийский император Алексей Комнин, императрица Ирина, Анна Комнин, главы и участники Первого крестового похода («Граф Роберт Парижский»); Ричард Львиное Сердце, Филипп II Август, Конрад Монсерратский, Эрцгерцог Леопольд («Талисман»). Но можно ли разделить героев писателя на две группы, в зависимости от того, исторические это лица или нет? Не состоит ли одна группа из портретов, на которых точно воспроизведены черты того или иного лица, а другая из картин, подсказанных воображением художника? Если бы это было так, то в каждом произведении мы могли бы отделить историю (подлинность) от вымысла. У Льва толстого мы это сделать можем. Мы осознаём, что Кутузов – это историческая личность, а Платон Каратаев – нет. Может быть, это потому, что Л. Толстого мы слишком «заизучали», а В. Скотта просто читаем. Или же в романах Вальтера Скотта всё настолько подчинено замыслу художника и сливается в единство так, что кажется более правдивым, чем сама действительность. Да, это так. Н. Н. Тихоновым вообще это единство названо без оговорок «более правдивым», чем сама действительность [1, с. 730]. И если это действительно так, то это победа автора.

Да, писатель не волен распоряжаться судьбами реальных исторических лиц, выведенных в его произведениях, но он волен вершить судьбами простых смертных, вызванных к жизни его воображением. А поскольку грань между первыми и вторыми усилиями автора стирается, то он получает право судить и тех и других. В созданном писателем мире он вправе вознаграждать доблесть и благородство, карать подлость и предательство. Мир писателя – это не только мир, каков он есть, но мир, каким он может, а, возможно, и должен стать. И не правы те, кто считают, что закона высшей справедливости и воздаяния по заслугам не существует. Горе, страдание, несправедливость – всё это аномалии, равно как и война, подлость, вероломство. Если эти явления и существуют, то отнюдь не потому, что они неизбежны. И если в реальности добро не всегда побеждает в единоборстве со злом, то это ещё не значит, что таков непреложный закон жизни. И это надо показывать людям, иначе их не воспитаешь, не сделаешь лучше. И для того, чтобы подтвердить, что торжество зла над добром не является неизбежным, чтобы доказать это на конкретных фактах Вальтер Скотт может позволить себе несколько изменить хронологию, добавить детали. И это не по причине исторического невежества автора, нельзя это назвать и произволом автора. Н. Н. Тихонов называет это «приёмом», к которому прибегает автор «для большей убедительности логики развития действия и совершенно-

сти того или иного положения» [1, с. 731]. Так, Конрад Монсерратский был убит при иных обстоятельствах, нежели те, что описаны в романе «Талисман»; Саладин свершил казнь не над гроссмейстером ордена тамплиеров, а над другим рыцарем. В этих эпизодах есть отступление от буквы истории, но не от духа времени и достоверности соответствующих характеров. Саладин, согласно многим историческим источникам, был именно таким, каким описал его Вальтер Скотт. Что же касается гроссмейстера ордена тамплиеров, то члены этого ордена не останавливались перед самыми страшными преступлениями для блага своей организации. Тамплиеры запятнали себя столькими преступлениями, что сам римский папа был вынужден специальным эдиктом распустить орден. А как лучше было донести людям правду о зарвавшихся тамплиерах? Показав казнь рядового члена ордена или гроссмейстера? Правда тенденции всегда выше правды факта, но доказывать её надо фактами.

Не все романы В. Скотта заканчиваются так, как хотелось бы писателю и читателям. Писатель не в силах поступить с исторической личностью иначе, чем это было на самом деле, а читательские симпатии не всегда могут совпасть с решением автора. Тем не менее, многие из романов В. Скотта завершаются благополучно, тем самым «счастливым концом», за который писателей столь часто обвиняют в отступлении от жизненной правды и потрафлении пошлым читательским вкусам. Но ведь плох и фальшив не счастливый конец как таковой, а его немотивированность, неубедительность, отсутствие художественной логики в развитии характеров и действия. Литература изображает не только всеобщее, но и индивидуальное. И счастливый конец в индивидуальной жизни, личное счастье, вовсе не выглядит неестественным и искусственным. Победа над злом социальным трудно достижима и в литературе, и в жизни. Чего стоит только крах социализма как системы, распад СССР, Югославии, Чехословакии. Но борьба со злом основана не только на отрицании зла, но прежде всего – на утверждении добра: человек борется не только против чего-то, но прежде всего за что-то. И в этом случае счастливый конец утверждает не только возможность, но и неизбежность победы. Может быть, в странах СНГ, где народ долго приучали ставить общественное выше личного, а бороться зачастую не за что-то или, по крайней мере, не за что-то конкретное, а скорее за что-то абстрактное, несуществующее (социализм, коммунизм и т. д.), боролись всегда с кем-то и чем-то конкретным (врагами народа, шпионами, кулаками, вредителями, туеядцами и т. п.), находя «счастливые концы» в общественном и не видя счастья в личном, Вальтер Скотт и мог казаться наивным. То ли дело Толстой, Некрасов, Тургенев.... Но и сам И. С. Тургенев считал, что «всякое искусство есть возведение жизни в идеал» [1, с. 732]. И в утверждении добра Вальтером Скоттом всегда просматривается возможность и неизбежность победы над злом.

В течение нескольких десятилетий Вальтер Скотт был одним из самых популярных писателей Европы. Романисты подражали ему (по крайней мере, пытались это делать), а кому не удавалось, завидовали, как Стендаль [4, с. 16]. Историки видели в В. Скотте вдохновителя своих научных трудов (в России же наоборот историк Н. М. Карамзин вдохновлял поэта А. С. Пушкина написание исторических повестей и драм), композиторы писали на его сюжеты оперы, художники – картины. О нём восторженно отзывался Гёте [1, с. 732], А. С. Пушкин называл его «шотландским чародеем» и ставил его, как мы уже отмечали, выше В. Гюго [5, с. 59], В. Г. Белинский считал В. Скотта «великим гением нашей эпохи» [1, с. 732].

Но прошло некоторое время, и слава писателя стала меркнуть. Новые поколения отказали ему в знании истории, в понимании человеческого сердца. Появились даже пародии на его произведения, особенно досталось роману «Айвенго». Чего только стоит пародия на него У. Теккерея [5, с. 60]. В воспетых В. Скоттом чувствах стали усматривать неискренность, а в стиле – излишнее многословие. Казалось, пророчество завистника Стендаля [4, с. 16] сбывается. Не предали Вальтера Скотта только дети. Они верили ему и зачитывались его романами. Вальтер Скотт превратился в писателя для детей.

Но забвение взрослых длилось недолго. К писателю вернулась его былая слава. По всей вероятности, для взрослого осмысления творчества Вальтера Скотта требовалось время. Эмоции действуют мгновенно. Для срабатывания разума требуется время. Произведения «шотландского чародея» вновь широко читаются, переиздаются, переводятся на множество языков, а к операм и картинам на сюжеты Вальтера Скотта прибавились кинофильмы. И о чем, как не о непреходящей общечеловеческой ценности творчества Вальтера Скотта, говорит его популярность далеко за пределами Шотландии и Соединенного Королевства.

«Второе рождение великого писателя, - пишет Н. Н. Тихонов, - лишний раз доказывает, что произведения истинного таланта и вдохновения не умирают, но живут веками, побеждая временное забвение, а иногда и открытую неприязнь, неизменно служат людям источником радости и утешения, мудрости и силы» [1, с. 733].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- 1) жанр исторического романа предполагает «оживление» ярких событий прошлого;
- 2) данное «оживление» подсказывается памятью, облечённой в литературную форму;
- 3) «оживление» служит не только для удовлетворения праздного любопытства читателя, но также для извлечения определённых уроков – нравственных, психологических, исторических и т. п.

2. Жанрово-стилистические особенности романа Вальтера Скотта «Айвенго»

«Айвенго» - бесспорно один из лучших романов Вальтера Скотта. Именно в этом романе Вальтер Скотт проявил свой талант во всей его многогранности. В этом романе весь Вальтер Скотт. Именно в «Айвенго» присутствует в снятом виде вся биография писателя, весь его жизненный путь непрерывных исканий, приведший этого «шотландского чародея» к созданию не только многочисленных исторических романов, но и самого жанра исторического романа как такового.

Личность Вальтера Скотта прослеживается во всех идеях, во всех образах, в каждой строке «Айвенго». Идея справедливости, она сформировалась у Вальтера Скотта, сына юриста. При этом писатель – сам был юристом: адвокатом, шерифом и секретарём Высшего суда Шотландии. Таким образом, автор «Айвенго» - служитель Фемиды, «рыцарь юстиции» (основное значение пришедшего из латыни слова – справедливость).

История родного края, родной Шотландии, переживания и боль за её судьбы – это присутствует в романе. Действие произведения ограничено Англией, но описывая Англию, отношения англосаксонской знати с нормандской, отношения, в которых англосаксы оказались в ущемленном положении, не говоря уже о положении англоязычного простого люда, Вальтер Скотт думал об отношениях англичан и шотландцев, о том, как можно гармонизировать эти отношения с наименьшими издержками. Присутствует в снятом виде в романе и знание Вальтером Скоттом истории и культуры Англии и Шотландии, знание писателем шотландских и английских народных баллад, которые Вальтер Скотт собирал долгие годы. Отголоски многих из них мы видим в романе «Айвенго». Интересно, что один из сборников баллад Вальтера Скотта, вышедший в 1802-1803 годах назывался «Песни шотландской границы», старой пограничной области, отделявшей Шотландию от Англии, которая была местом постоянных столкновений и стычек между англичанами и шотландцами. Боль этой вражды и её пережитков чувствуется и в романе «Айвенго».

Многие, если не все светские критики отмечали консерватизм Вальтера Скотта, особенно это чувствуется у Р. Самарина [15, с. 3-14]. Его упрекают в консерватизме, он и по партийной принадлежности был консерватором, тори. Но так ли это плохо? Предостерегал же от реформ великий мудрец Платон, давший миру первую историческую форму социалистической идеи, которую советские критики Вальтера Скотта считали, безусловно, самой справедливой. А до чего довели считавшийся самым справедливым строем строй в СССР и бывших странах «народной демократии» реформы (чего стоит одна горбачёвская «перестройка»)? Осуждали Вальтера Скотта советские критики и за романтическую идеализацию дворянской монархии, за представление о том, что может существовать некий идеальный монархический строй, якобы охраняющий интересы широких народных масс от посягательств жадных стяжателей – помещиков и капиталистов. Но и КПСС не смогла защитить советские народы от произвола своих лидеров, совершивших в конце концов антинародный, а по марксистской терминологии контрреволюционный переворот. И это сделала верхушка партии, которую называли «умом, честью и совестью» нашей эпохи. А ведь сословная монархия, как это утверждали историки-марксисты, как раз и не давала одним сословиям пожрать другие, обеспечивала, как могла, условия для мирного труда трудящегося населения. О хороших королях мечтали все, в том числе и простой народ. Были «народные» монархи и не только идеальные, но и реальные в истории других стран, в том числе и России.

Наш преславный император, память
вечная ему,
Сам командовал полками, сам он
пушки заряжал.

Эти подлинно народные слова о Петре Первом вполне оправдывают идеализацию Вальтером Скоттом идеальной монархии. Идеальное всё прекрасно. Реальная же даже самая хваленая демократия не может охранять интересы широких народных масс от посягательств жадных стяжателей, т. н. «новых русских», как этого не могли и не умели монархические режимы.

Рыцарь Айвенго не является личностью исторической как король Ричард Львиное Сердце и принц Джон (будущий король Иоанн Безземельный). Айвенго – это вымысел Вальтера Скотта. Как и в других романах Вальтера Скотта рядом с подлинными историческими событиями плетётся сложная нить сюжета, развёртывается путь героя, не являющегося историческим лицом. Обычно это похожее друг на друга молодые люди, чаще всего верные и преданные слуги своих королей, обладающие при этом многими привлекательными человеческими качествами. Таким критикам как Р. Самарин «нетрудно заметить нерéalность, нежизненность этих положительных персонажей, таких невыразительных рядом с образами, в которых В. Скотт карает пороки правящих классов, или рядом с образами людей из народа» [15, с. 7].

Но кто-то этого не замечает и не хочет замечать.

И даже Р. Самарин считает, что слабые стороны творчества В. Скотта отступают на задний план в сравнении с замечательными качествами его романов [15, с. 7].

Роман «Айвенго» (1819) – действительно относится к числу наиболее значительных произведений В. Скотта. Писатель во многом правдиво показал английскую действительность XII века – эпоху, когда в истории Англии резко сказались и классовые противоречия и противоречия между двумя народами, ещё не слившимися в одну нацию. В XII веке остро ощущалась рознь между нормандцами (офранцуженными норманнами, осевшими в Северной Франции, получившей название Нормандии – М. М.) – завоевателями Англии, завладевшими ею в конце XI века (после битвы при Гастингсе в 1066 г.), и англо-саксами, которые владели Англией в течение нескольких веков и дали ей новое название (до англосаксонского завоевания Англия называлась Британией – по кельтскому племени бриттов, родственного племени скоттов, шотландцев – М. М.). «Завоевание Англии норманским герцогом Вильгельмом, - пишет Вальтер Скотт в главе 1 романа «Айвенго», - значительно усилило тиранию феодалов и углубило страдания низших сословий» [26, с. 25]. Чем это не марксистский анализ? Причём перевод здесь ничем не грешит, ср.: “A circumstance which greatly tended to enhance the tyranny of the nobility and the sufferings of the inferior classes arose from the consequences of the Conquest by Duke William of Normandy” [28, p. 8]. Конечно, “nobility” можно было не переводить «феодалы», но, скорее всего, вариант «феодалы» здесь более точен. «Четыре поколения не смогли смешать воедино враждебную кровь норманнов и англосаксов или примирить общностью языка и взаимными интересами ненавидящие друг другу народности, из которых одна всё ещё упивалась победой, а другая страдала от последствий своего поражения. После битвы при Гастингсе власть полностью перешла в руки норманских дворян, которые отнюдь не отличались умеренностью. Почти все без исключения саксонские принцы и саксонская знать были либо истреблены, либо лишены своих владений; невелико было и число мелких саксонских собственников, за которыми сохранились земли их отцов. Короли непрестанно стремились законными и противозаконными мерами ослабить ту часть населения, которая испытывала врождённую ненависть к завоевателям. Все монархи норманнского происхождения оказывали явное предпочтение своим соплеменникам; охотничьи законы и другие предписания, отсутствовавшие в более мягком и более либеральном саксонском уложении, легли на плечи побеждённых, ещё увеличивая тяжесть и без

того непосильного феодального гнёта» [26, с. 25-26]. Здесь уже Е. Бекетова перевела как «феодальный гнёт» “feudal chains” («феодальные цепи» - М. М.) [28, р. 9], что почти буквально передаёт «классовый» подход Вальтера Скотта к ситуации, описываемой им в романе.

Однако к концу XII века борьба между англосаксами и нормандцами (точнее, между англосаксонской и норманнской знатью) стала затихать. Она начала заслоняться другими противоречиями, которые выдвигались на первый план: прежде всего истинно классовыми противоречиями между порабощённым крепостным крестьянством и феодалами как англосаксонского, как и нормандского происхождения, а кроме того, и раздорами в самом феодальном лагере.

Не случайно, чтобы подчеркнуть значение для Англии сильной королевской власти, Вальтер Скотт выбрал для начала действия своего романа время отсутствия в Англии короля Ричарда Первого Плантагенета, прозванного Львиное Сердце, который после участия в Третьем крестовом походе был вероломно задержан герцогом Австрийским и долго не мог вернуться в Англию. Сам Вальтер Скотт определил это время следующим образом: «Когда возвращение короля из долгого плена казалось желанным, но уже невозможным событием отчаявшимся подданным, которые подвергались бесконечным притеснениям знати. Феодалы (у Вальтера Скотта “the nobles” – М. М.) [28, р. 7], получившие непомерную власть в царствование Стефана, но вынужденные подчиняться королевской власти благоразумного Генриха II, теперь снова бесчинствовали, как и в прежние времена» [26, с. 24]. Английское крестьянство в этой борьбе короля против феодальной анархии поддерживало королевскую власть. В толще народа, конечно, ещё в полной мере жили распристращённые в средние века иллюзии относительно справедливости королевской власти; крестьяне восставали против отдельных феодалов, но ещё не дерзали поднять оружие против короля.

Роман «Айвенго» показывает эпоху переустройства Англии, превращавшейся из страны разрозненных и враждующих между собой феодальных владений в монолитное королевство, в страну, где из завоёванных и завоевателей медленно выплавлялась единая новая народность – не нормандцы и не англосаксы, а англичане, с единым английским языком. Интересны рассуждения самого Вальтера Скотта по поводу формирования современного английского языка:

«При дворе и в замках знатнейших вельмож, старавшихся ввести у себя великолепие придворного обихода, говорили исключительно по-нормано-французски; на том же языке велось судопроизводство во всех местах, где отправлялось правосудие. Словом, французский язык был языком знати, рыцарства и даже правосудия, тогда как несравненно более мужественная и выразительная англосаксонская речь была предоставлена крестьянам и дворовым людям, не знавшим иного языка.

Однако необходимость общения между землевладельцами и порабощённым народом, который обрабатывал их землю, послужила основанием для постепенного образования наречия из смеси французского языка с англосаксонским, говоря на котором они могли понимать друг друга. Так мало-помалу возник английский язык настоящего времени, заключающий в себе счастливые смешения языка победителей с наречием побеждённых и с тех пор столь обогащённый заимствованиями из классических и так называемых южно-европейских языков» [26, с. 26]. Пример становления английского языка показан Вальтером Скоттом на страницах романа «Айвенго» в диалоге Гурта и Вамбы.

«... к утру свиные всё равно превратятся в норманнов, и притом к твоему же собственному удовольствию и облегчению.

- Как же так – свиные, к моему удовольствию и облегчению, превратятся в норманнов? – спросил Гурт. – Ну-ка, объясни. Голова у меня тупая, а на уме одна досада и злость. Мне не до загадок.
- Ну, как называются эти хрюкающие твари на четырёх ногах? – спросил Вамба.
- Свиные, дурак, свиные, - отвечал пастух. – Это всякому дураку известно.
- Правильно, «суайн» - саксонское слово. А вот как ты назовёшь свиную, когда она зарезана, ободрана, рассечена на части и повешена за ноги, как изменник?
- Порк, - отвечает свинопас.
- Очень рад, что и это известно всякому дураку, - заметил Вамба. – А «порк», кажется, нормано-французское слово. Значит, пока свиная жива и за ней смотрит саксонский раб, то зовут её по-саксонски; но она становится норманном и её называют «порк», как только она попадает в господский замок и является на пир знатных особ. Что ты об этом думаешь, друг мой Гурт?
- Что, правда, то правда, друг Вамба. Не знаю только, как эта правда попала в твою дурацкую башку.
- А ты послушай, что я тебе скажу ещё, - продолжал Вамба в том же духе. – Вот, например, старый наш олдермен бык: куда его пасут такие рабы, как ты, он носит свою саксонскую кличку «окс», когда же он оказывается перед знатым господином, чтобы тот его отведал, бык становится пылким и любезным французским рыцарем Биф. Таким же образом и телёнок «каф» - делается мосье де Во: пока за ним нужно присматривать – он сакс, но когда он нужен для наслаждения – ему дают норманское имя.
- Клянусь святым Дунстаном, - отвечал Гурт, ты говоришь правду, хоть она и горькая» [26, с. 30-31].

В целом Вальтер Скотт дал в романе «Айвенго» правдивую картину описываемого момента в истории Англии. Именно в этом, в познавательном значении, и видели советские критики силу романа В. Скотта «Айвенго» [15, с. 9]. Но литература – это учебник жизни, учитель, а учитель не только учит, но и воспитывает, а воспитание, как считал русский педагог Георгий Винский, гораздо важнее обучения, ибо воспитывается только человек, а «обучению и иные твари подвержены». Эти слова любил повторять на лекциях советский психолог, лауреат Ленинской премии академик А. Н. Леонтьев. Но в обществе, где составной частью триединой задачи построения коммунистического общества являлось воспитание нового человека, воспитательной роли романа «Айвенго» не замечали. Вальтеру Скотту просто не могли доверить воспитание нового человека, строителя коммунизма. То, что английский романист не был членом Коммунистической партии Великобритании, не должно было ставиться ему в вину советским народом, но вот приверженность партии тори (консервативной) ему не прощали.

Но как и любое обучение имеет воспитательную нагрузку, имела её и познавательная часть романа

«Айвенго».

Читатель не может не видеть, что и нормандские рыцари Фрон де Беф, Филипп де Мальвуазен и Морис де Браси, и представители старой англосаксонской знати Седрик и Ательстан одинаково отстали в своём развитии, в своих взглядах от задач, поставленных перед страной историей, были далеки от осознания подлинных интересов английского народа. И те, и другие никак не могут решить старый спор о сравнительных достоинствах победителей и побеждённых. Их распри ведут к тому, что Англии постоянно грозят междоусобицы, разрушающие жизнь страны, тяжким бременем ложащиеся на плечи народа, мешающие созданию централизованного государства.

Особенно резко писал Вальтер Скотт о нормандских феодалах. Рыцарь-разбойник Фрон де Беф и его шайка запоминаются как яркое, правдивое изображение кровавого своеволия, кулачного феодального права, как реалистическая картина средневековых феодальных нравов, осуждающая, а не идеализирующая средневековый феодальный строй.

Интересно, что сам Вальтер Скотт в авторском предисловии к роману «Айвенго» пишет, что имя Фрон де Беф взято из реальной жизни, что «Окинлекская рукопись приводящая имена целой орды норманнских баронов, подсказала ему чудовищное имя Фрон де Беф» [25, с. 24].

Типичен среди прочих рыцарей-разбойников, грабящих английский народ и крестоносец Бриан де Буагильбер, рыцарь ордена Храма, тамплиер (от франц. слова temple – храм – М. М.).

Все черты деятельности тамплиеров отражены в большей или меньшей степени в образе Буагильбера, хищника и насильника. В образе Буагильбера Вальтер Скотт не только заклеил разбойничью сущность феодализма, но и показал органическую связь между феодализмом светским и феодализмом церковным: оба грабят народ, деятельно помогая друг другу, а прикрывая зачастую грабеж орденовыми знаками, крестами «воинства Христова».

Феодальная католическая церковь представлена в романе не только экзотическим монашествующим рыцарем Брианом де Буагильбером, но и аббатом Эймером, чревоугодником и сребролюбом, распутником в рясе, таким же хищным и мятежным феодалом-самодуром, как и те его друзья и собутыльники, которые отличаются от него только своими рыцарскими золотыми шпорами.

Правдиво изображенной нормандской знати – баронам, графам, аббатам, которые всё ещё ведут себя в Англии как завоеватели, - Вальтер Скотт противопоставил те силы английского общества, в которых он видел надежду на лучшее будущее Англии, залог победы над феодальными бандитами, рвавшими страну на куски. Он показывает эти силы в королевской власти – Ричарде Львиное Сердце, - поддерживаемой служилым дворянством, кормящимся от короля, и прежде всего в народе, который поддерживает королевскую власть в её стремлении обуздать и подавить феодальную вольницу. Одни из лучших страниц романа – они и сейчас читаются с захватывающим интересом, особенно в таких странах СНГ как Россия и Украина, где народные бунты всегда были в почёте, - посвящены именно описанию борьбы народа против феодального произвола. В этой борьбе английский народ – Робин Гуд и его стрелки – играет решающую роль. Народные образы в романе как бы постепенно собираются в целую группу решительных и смелых людей, сливающихся в образ непобедимой дружины Робин Гуда, штурмующей замок Фрон де Бефа. Под натиском могучей волны народного гнева не устоять ни челяди Фрон де Бефа, трусливой и подлой, ни ветеранам-крестоносцам вроде де Браси и Буагильбера. «Патетическая картина гибели старого феодального гнезда, притона убийств и насилий, разрушенного народом, является не только самым сильным местом в «Айвенго», но и одним из лучших выражений мастерства В. Скотта в целом, его народности», - писал советский критик Р. Самарин [15, с. 10].

Привлекает внимание читателей смелый Локсли – Робин Гуд, герой многочисленных английских народных преданий, к которым обратился писатель, чтобы создать живую и запоминающуюся фигуру.

Баллады о Робин Гуде, о «добром Робине» относятся к числу лучших памятников английского народного творчества. Они замечательны тем, что в них отразился вековой народный протест – ненависть английского крестьянства к его угнетателям, воплотившаяся в мечте о смелом защитнике поправленных интересов народа, в мечте о мстителе за его растоптанные права – в образе Робин Гуда.

Робин Гуд – Локсли появляется на турнире, ставит на место еврея Исаака, дерзит принцу Джону, а на другой день побеждает в состязании йоменов, стрелков из лука, снова дерзит принцу Джону, отказывается пойти на службу принцу Джону за 50 золотых, отказывается от заслуженных 20 золотых... и, наконец, штурмует замок Фрон де Бефа и спасает короля Ричарда I.

В историческом, подлинном Ричарде I черты придворной, внешней рыцарско-феодальной воспитанности переплетались с отталкивающей жестокостью и алчностью феодала-разбойника, ни в чём не уступавшей алчности своего брата принца Джона и жестокости какого-нибудь Фрон де Бефа. История войн и набегов Ричарда Львиное Сердце полна омерзительных фактов, которые решительно противоречат привлекательному образу, созданному Вальтером Скоттом. Примечательно, что К. Маркс, изучая историю средневековой Англии, счёл нужным сделать такую выписку о Ричарде Львиное Сердце: «Предусмотрительность и пронизательность сочетались в нём (Ричарде – М. М.) с грубой жестокостью и полным безразличием к вопросам чести» [30, с. 334]. Грубая жестокость, полное безразличие к вопросам чести – ничего этого мы не видим в образе Ричарда Львиное Сердце у В. Скотта. По подсчётам историков, Ричард I Плантагенет и былто в Англии за всё время своего царствования всего несколько месяцев. Всё остальное время ушло на бесконечные военные авантюры, которыми было заполнено его бурное правление (1189-1199).

Как замечает историк Кирилл Андерсон [10], тот же Ричард в действительности вёл себя не так уж похвально, как на страницах книги (романа «Айвенго» - М. М.). По некоторым данным, Львиным Сердцем его прозвали жители сицилийского города Мессины, который он безжалостно и кроваво разграбил по дороге в Святую землю. И прозвище, данное ему, говорило не столько о бесстрашии, сколько о жестокосердии английского короля [10, с. 10].

Но, идеализируя Ричарда, Вальтер Скотт всё-таки немного переусердствовал и даже, особенно в глазах русских, советских и большинства постсоветских читателей принизил его, сравнив совершенно справедли-

во с другим авантюристом и неудачником – завоевателем королём Швеции Карлом XII [27, p. 390]; [28, p. 519].

Интересно, что словами поэта Джонсона о Карле XII и заканчивается роман «Айвенго».

His fate was destined to a foreign strand,
A petty fortress and an 'humble' hand;
He left the name at which the world grew pale,
To point a moral, or adorn a TALE.

Получается, что Вальтер Скотт не возвысил Ричарда Первого Плантагенета, сравнив его с Карлом XII, таким же авантюристом и беспринципным политиком, таким же незадачливым «крестonosцем». Вот только русский перевод этого четверостишья как-то приукрасил факт гибели шведского короля при осаде незначительной норвежской крепости Фредериксгальд, и “petty fortress” стала «замком дальним», прямо как у самого Ричарда Первого, погибшего у замка Шалю, близ Лиможа.

Рукой презренной он сражен в бою
У замка дальнего, в чужом краю;
И в грозном имени его для нас
Урок и назидательный рассказ [24, с. 443]; [25, с. 437]; [26, с. 467].

Любопытно, что оба авантюриста были убиты не в таких уж «чужих» и «дальних» краях. Ричард был убит единопольным французом в родной Франции, а Карл XII в почти единопольной соседней Норвегии.

Подлинный Ричард Львиное Сердце не был близок к простым людям Англии, не водил их на приступ феодальных замков, не судил так справедливо и мудро, как в романе «Айвенго». Английский народ освободился от феодального гнёта не под руководством королей, а против их воли. Через пять веков после событий, описанных в романе «Айвенго», во время Английской буржуазной революции XVII века, английский народ действительно покончил с феодализмом. В борьбе против феодального строя он не пощадил и короля. Король Англии Карл Первый, пытавшийся воевать против восставшего народа, был разбит и казнён.

Но консерватору В. Скотту казалось, что у монархического строя немало достоинств, что его надо сохранить и только улучшить, подправить его (что, кстати, потом англичане и сделают). Вот почему В. Скотт и показал короля в своём романе во главе крестьян, разрушающих замок феодала, будто бы без короля народ не был способен на это! Да, но рыцарский роман без короля, а в данном случае короля хорошего был невозможен. И образ Ричарда Львиное Сердце с необходимостью должен был бы быть приукрашенным.

Однако, даже приукрасив исторического Ричарда Первого, Вальтер Скотт описал его так, что читатель представляет себе эту фигуру, верит в её правдоподобность до тех пор, пока не обнаруживается, что странствующий рыцарь – это король Ричард Львиное Сердце. А вот одно из главных действующих лиц романа, сам Уилфред Айвенго, главный герой, верный слуга короля Ричарда и персонаж, в уста которого автор вкладывает постоянно хвалу замыслам и делам Ричарда Львиное Сердце, не может быть с полным основанием назван удачей В. Скотта. Так полагал великий русский критик В. Г. Белинский [29, с. 472-473], так считает советский критик Р. Самарин [15, с. 12], так казалось и кажется многим русским, советским и постсоветским читателям. Только воспитанные в другом мире люди и недовоспитанные дети могут воспринимать Айвенго по-другому, так, как это хотелось бы автору.

Как идеализирован образ короля Ричарда Львиное Сердце, уступающий поэтому другим, более реальным образам романа, так идеализирован и образ верного слуги его – Айвенго, превращённый в рыцаря без страха и упрёка, выделяющийся своей неправдоподобностью, необедительностью среди других образов романа, таких живых, таких «типических», по определению Белинского [29, с. 472-473]. Не помогает этому и предисловие автора, где он указывает на подлинность происхождения имени Айвенго.

«Тогда был в наказанье взят
У Хемпдена поместий ряд:
Тринг, Винг, Айвенго. Был он рад
Спасть ценой таких утрат.

Это имя соответствовало замыслу автора в двух отношениях: во-первых, оно звучит на староанглийский лад; во-вторых, в нём нет никаких указаний относительно характера произведения. Последнему обстоятельству автор придавал большое значение. Так называемые «захватывающие» заглавия прежде всего служат интересам книгопродавцов или издателей, которые с помощью этих заглавий продают книгу прежде, чем она вышла из печати. Но автор, допустивший, чтобы к его ещё не изданному произведению было искусственно привлечено внимание публики, ставит себя в затруднительное положение: если, возбуждив всеобщие ожидания, он не сможет их удовлетворить, это может стать роковым для его литературной славы» [25, с. 24-25].

Дав заглавному герою фамилию из староанглийских собственных имён, В. Скотт действительно ничем не рисковал и ничего не потерял, но усилить образ в глазах многих не смог.

Но без приукрашенного, вымышленного образа «рыцаря без страха и упрёка», как и без приукрашенного образа короля Ричарда Львиное Сердце не было бы романа. Не без внимания останется и останется на века образ доблестного рыцаря Айвенго, подлинного «рыцаря без страха и упрёка».

Интересен язык творчества Вальтера Скотта. В романе «Айвенго» особенно широко отразилось замечательное мастерство Вальтера Скотта – блестящего рассказчика, знатока и ценителя множества оттенков английского языка.

Языку исторического романа Вальтер Скотт всегда уделял особое внимание. В предисловии к роману «Айвенго», имеющему в связи с этим большой интерес, Вальтер Скотт изложил свой взгляд на то, как должен использовать автор исторического романа сокровища родной речи [25, с. 17-24].

Вальтер Скотт считал, что писатель исторического романа стоит перед решением двух задач: он должен найти подходящую манеру повествования для изложения событий, которое ведётся в третьем лице, и выработать язык действующих лиц, создать обдуманные речевые портреты.

В обоих случаях писатель может иногда обращаться к языку изображаемой им эпохи, но Вальтер Скотт совершенно справедливо считал, что здесь надо проявлять особенно много такта, большое искусство выбора.

«Шотландский чародей» вводит в речь действующих лиц и в своё повествование различные старинные выражения, но делает это сугубо осторожно, отнюдь не засоряя язык произведения в целом. Не злоупотребляя ими, писатель стремится к тому, чтобы язык его романов, в том числе «Айвенго» в целом соответствовал основному словарному фонду современного ему английского языка. И использовал он эти возможности во всём их живом богатстве.

В хорошо выполненных русских переводах романов В. Скотта, особенно в переводе Е. Бекетовой романа «Айвенго» эта усиленная забота о языке передаётся почти полностью. При этом читатель улавливает богатство словаря В. Скотта и в описательных главах романа, и в своеобразии речи действующих лиц.

Живая пестрота речи персонажей романа «Айвенго», пускающих в ход английские, французские и латинские выражения, не обременяет читателя. Это и ‘*paux vobiscum*’ [25, с. 227; 28, р. 266] у лже-священника, это и срывающееся с уст принца Джона ‘*laissez aller*’ [25, с. 126; 28, р. 136], которое скорее подчёркивает скорее характер принца Джона, а не тот факт, что он говорит по-французски, и вообще никакой он не Джон, а Жан, но на страницах романа «Айвенго» он принц Джон и говорит по-английски, которого он не знает. Вот уж поистине отступление от исторической правды! Но если принц Джон всё же не Жан, а Джон, то Ричард Львиное Сердце – это уже *Coeur-de-Lion* [28, р. 74, 519 etc]. Здесь отступления от исторической правды нет. Интересно, что Вальтер Скотт применяет франкоязычное прозвище франкоязычного английского короля реже, чем его переводчики на русский язык и без его подлинного имени. В начале VII главы у В. Скотта просто ‘*Richard*’ [28, р. 74], а в переводе Е. Бекетовой «Ричард Львиное Сердце» [26, с. 81]. Весьма примечательно, что, несмотря на то, что добрая половина героев романа «Айвенго» франкоязычна, в романе совершенно нет таких тяжеловесных вкраплений на французском языке, которыми изобилует знаменитый роман «Война и мир» великого русского писателя Л. Н. Толстого, причём на французском языке у Л. Н. Толстого говорят в основном не французы.

Не надоедая читателю иноязычной речью и не озадачивая его обилием непонятных слов, Вальтер Скотт уверенно использует всё своё языковое богатство для характеристики эпохи. Роман В. Скотта устремлён в будущее не только его романтическим идеалом. Он созвучен тому времени, в которое он был написан, он помогал читателю понять суть происходящего в окружающей жизни. «Действие романа «Айвенго» разыгрывается в XII веке, - пишет Р. Самарин, - но в нём звучат отголоски того бурного времени, когда он был написан. Ощущение начинающегося переворота в жизни старой Англии, проходящее через многие страницы романа, несомненно, подсказано В. Скотту живым ощущением исторического развития, движения вперёд, которым была наполнена его эпоха» [15, с. 13].

В английском обществе начала XIX века многие пережитки феодализма ещё имели место быть, но они уже исчезали под усиливающимся натиском новых социальных отношений.

Поэты лорд Байрон и Шелли ответили на события 1891 года революционными стихами, а В. Скотт романом «Айвенго». Чей ответ лучше? История, между прочим, ещё не даёт на этот вопрос определенного ответа. Кто живёт лучше, английский народ, не пошедший за революционерами, или постсоветские народы, предки которых пошли за теми, кто звал Русь «к топору»?

В любом случае романы В. Скотта читали, читают и будут читать. И не только потому, что они верно воссоздают прошлое во всём его историческом колорите, но и потому, что они показывают связь частной жизни, судеб людей обычных, рядовых с жизнью общества, с историческими событиями своего времени, с судьбами великих мира сего и народов. И если не всегда в пример нынешнему поколению исторических личностей прошлого не удаётся сделать лучше, чем они были, можно дать добрые примеры из тех героев, которых создаёт воображение автора.

Первым претворил в жизнь этот эстетический принцип английский поэт и писатель Вальтер Скотт, создав фактически новый литературный жанр, жанр исторического романа.

Таким образом, жанр исторического романа не случайно считается одним из труднейших в художественной литературе. Воссоздание культуры, быта, нравов людей другой эпохи требует от автора фундаментальных знаний в различных областях, свободного владения огромным фактическим материалом, умения объективно оценивать события далекого прошлого на основе передовой научной методологии. Но при всём этом будет только фотография из прошлого быта, а не картина. Такого подхода может хватить историку, но не писателю.

Историки человечество знало тысячелетия. А вот авторов исторических романов только с периода нового времени – и это не случайно. Слишком труден этот жанр. В нашем исследовании мы проследили, как к этому жанру пришел его родоначальник Вальтер Скотт, как он создавал, изобретал, открывал, угадывал эпопею нашего времени – исторический роман, новый, ранее неизвестный литературный жанр, органически сочетающий реалистические и романтические тенденции.

Из 28 исторических романов, написанных Вальтером Скоттом, выделяется «Айвенго». Исторически правдиво отобразив время правления английского короля Ричарда Первого Плантагенета, прозванного Львиное Сердце, отступая иногда в портретах исторических деятелей (короля Ричарда I и его брата принца Джона) от правды факты в целях утверждения более высокой правды, правды тенденции, «шотландский чародей» дал в вымышленном образе Уилфреда Айвенго подлинного «рыцаря без страха и упрека» символ победы добра над социальным и бытовым злом.

Источники и литература

1. Тихонов Н. Н. Мудрость вымысла // Скотт Вальтер. Граф Роберт Парижский. Талисман. Романы. – Л.: Лениздат, 1988. – 733 с.
2. Дюма А. Соратники Иегу. Собрание соч. в 12-ти т. – Т. 10. – М.: Художественная литература, 1979. – С. 298.

3. Карлейль Т. История французской революции. – СПб., 1907. – С. 570.
4. Вальтер Скотт // Всесвітня література в середньому навчальному закладі України. – 2004. – № 4. – С. 16.
5. Зверев Алексей. Вальтер Скотт // Энциклопедия для детей. – Т. 15. Всемирная литература. – Ч. 2. – XIX и XX века / Глав. ред. В. А. Володин. – М.: Аванта +, 2001. – С. 58-61.
6. Скотт В. Рассказы трактирщика / Скотт В. Собр. соч. в 20 т. – Т. 20. – М., 1965. – С. 574-575.
7. Берг Д. Вальтер Скотт / Берг Д. Сто лучших литераторов. – М., 1999. – С. 322.
8. Белей Н. І. “Лицарі в усі часи і всі епохи”: урок-роздум за романом Вальтера Скотта “Айвенго”. Методична палітра // Зарубіжна література в навчальних закладах. – 2002. – № 11. – С. 57-60.
9. Ингер А. Правда истории и правда художественного вымысла // Скотт В. Квентин Дорвард: роман. / Перевод с англ. М. А. Шишмарёвой; послеслов. и примеч. А. Ингера. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 376-379.
10. Андерсон Кирилл. Несколько слов от историка / Скотт В. Талисман: роман / Пер. с англ.; вступ. ст. и коммент. Кирилла Андерсона. – М.: Детская литература, 1991. – 368 с.
11. Вальтер Скотт // Основные произведения иностранной художественной литературы. – М., 1983. – С. 106-108.
12. Вальтер Скотт // Денісова Т. Н., Сиваченко Г. М. Зарубіжна література для 7-8 класів: читачка-підручник – К., 1995. – С. 156-176.
13. Фурсова Л. О. Исторична тема в художній прозі: Вальтер Скотт “Айвенго” // Всесвітня література в середніх навчальних закладах України. – 2002. - № 9. – С. 26-30.
14. Мацевко Лю В. Урізноманітовати засоби характеристики художнього образу: з практики вивчення образів головних героїв роману В. Скотта “Айвенго” // Всесвітня література в середніх навчальних закладах України. – 2002. - № 9. – С. 31-33.
15. Самарин Р. Вальтер Скотт и его роман «Айвенго» // Скотт В. Айвенго. Роман. Пер. с англ. Е. Бекетовой. Вступ. ст. Р. Самарина. Примеч. А. Бельского. – М.: Правда, 1989. – 448 с.
16. Пирсон Х. Вальтер Скотт. – М.: Молодая гвардия, 1978. – 301 с.
17. Реизов Б. Г. Творчество Вальтера Скотта. – М., Л.: Художественная литература, 1965. – 497 с.
18. Crawford T. Scott. – London; Edinburgh; Oliver, 1965. – 119 p.
19. Johnson E. Sir Walter Scott: the Great Unknown: in 2 vol. – London: Hamilton, 1970. – 1397 p.
20. Pope-Hennessy U. Sir Walter Scott. – London: Home a. Van Thal, 1948. – 101 p.
21. Скотт Вальтер. Граф Роберт Парижский. Талисман. Романы. – Л.: Лениздат, 1988. – 733 с.
22. Скотт В. Талисман. Роман / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. Кирилла Андерсона. – М.: Детская литература, 1991. – 368 с.
23. Скотт В. Квентин Дорвард. Роман / Перевод с англ. М. А. Шишмарёвой; послеслов. и примеч. А. Ингера. – М.: Художественная литература, 1987. – 383 с.
24. Скотт В. Айвенго. Роман / Пер. с англ. Е. Бекетовой. Худож. Ю. Э. Коляденко. – Мн.: Юнацтва, 1990. – 447 с.
25. Скотт В. Айвенго Роман. Пер. с англ. Е. Бекетовой. Вступ. ст. Р. Самарина. Примеч. А. Бельского. – М.: Правда, 1989. – 448 с.
26. Скотт В. Айвенго. Пер. с англ. Е. Г. Бекетовой. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 476 с.
27. Sir Walter Scott. Ivanhoe. – Wordsworth Editions Limited, 1995. – 394 p.
28. Sir Walter Scott. Ivanhoe. – Penguin Popular Classics. – Penguin Books, 1994. – 1994. – 528 p.
29. Белинский В. Г. О разделении поэзии на роды и виды // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений под редакцией и с примечаниями профессора С. А. Венгерова, 1914. – Т. 10. – С. 472-473.
30. Маркс К. Выписка о Ричарде Львиное Сердце // Архив Маркса и Энгельса. – 1946. – Т. 8. – С. 334.

Самарова Л.Р.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ В СОВРЕМЕННЫХ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Тема влияния географической среды на религиозные воззрения является и по сей день табу для многих ученых. Виной тому – боязнь возвращения на позиции географического детерминизма. Это явление многократно подвергалось критике и нападкам, хотя на начальном этапе имело прогрессивный характер и дало толчок для развития многих современных направлений в науке. В статье исследуется развитие географической мысли и ее влияние на науку начиная с античности до наших дней.

О влиянии окружающей среды на общество много писали такие ученые как Л.Мечников (4), Л.Гумилев (3)

Тема взаимосвязи окружающей среды и религии привлекает сегодня многих ученых, в основном на Западе. Получило развитие целое направление в религиоведении – экология религии. Возглавляет это направление шведский историк религии Оке Хульткранц. Много публикаций на эту тему сделано и немецкими учеными М. Клекер, У. Творушка, Г. Риншеде (7). Экологический кризис и поиски путей выхода из него придают теме взаимосвязи окружающей среды и религии особую актуальность. Ученые исследуют не только влияние окружающей среды на религию, но и обратную связь, то как религии опосредованно через человека оказывают влияние на окружающий их мир.

О географии и климате существует минимум две крайние точки зрения. Согласно одной из них нет никакого влияния географической среды на общество, согласно другой – географическая среда является главной причиной. Целью статьи является показать необходимость исследований влияния географического фактора на религиозные воззрения, не вдаваясь в крайности детерминизма, т. е. не абсолютизируя этот фактор.

Человечество является частью природы и ее продолжением. Современный человек, не смотря на все его